

АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ ГОРЬКИЙ

МЕДИЦИНСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ О СМЕРТИ

Алексей Максимович Горький заболел 11 июня гриппом, осложнившимся в дальнейшем течением катаром верхних дыхательных путей и катаральным воспалением легких. Тяжелая инфекция, как об этом свидетельствовали повторные исследования крови, на почве хронического поражения сердца и сосудов и — в особенности — легких в связи со старым (40-летней давности) туберкулезным процессом (каверны, расширение бронхов, эмфизема, астма, склероз легочных сосудов) осложнилась с первых же дней очень тяжелым течением болезни. Уже с третьего дня болезни начали выявляться симптомы ослабления сердечной деятельности и — особенно — резкое нарушение дыхания.

Энергичнейшим применением всех средств, могущих оказать на улучшение функций сердечно-сосудистой и дыхательной систем, удалось продержаться деятельность сердца до утра 18 июня. В ночь на

18 июня Алексей Максимович впал в бессознательное состояние, с 10 часов утра деятельность сердца начала быстро падать, и в 11 час. 10 мин. утра последовала смерть на 69-м году жизни, при явлениях паралича сердца и дыхания.

Народный комиссар здравоохранения РСФСР Г. КАМИНСКИЙ.

Начальник Лечебницы Кремля И. ХОДОРОВСКИЙ.

Заслуженный деятель науки профессор Г. ЛАНГ.

Заслуженный деятель науки профессор Д. ПЛЕТНЕВ.

Заслуженный деятель науки профессор М. КОНЧАЛОВСКИЙ.

Заслуженный деятель науки А. СПЕРАНСКИЙ.

Доктор медицинских наук Л. ЛЕВИН.

18 июня 1936 г., 12 час. 30 мин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ К ПРОТОКОЛУ ВСКРЫТИЯ

Смерть А. М. Горького последовала в связи с острым воспалительным процессом в нижней доле левого легкого, повлекшим за собой острое расширение и паралич сердца.

Тяжелому течению и роковому исходу болезни весьма способствовали обширные хронические изменения обоих легких — бронхоэктазы (расширение бронхов), склероз, эмфизема, — а также полное зарастание плевральных полостей и неподвижность грудной клетки вследствие окостенения реберных хрящей.

Эти хронические изменения легких, плевры и грудной клетки создавали сами по себе еще до заболевания воспалением легких большие затруднения дыхательному акту, ставшие особенно тяжелыми и

трудно преодолимыми в условиях острой инфекции.

Вскрытие производил профессор И. В. Давыдовский.

Присутствовали при вскрытии: Народный комиссар здравоохранения РСФСР Г. КАМИНСКИЙ.

Начальник Лечебницы Кремля И. ХОДОРОВСКИЙ.

Заслуженный деятель науки Г. ЛАНГ.

Заслуженный деятель науки Д. ПЛЕТНЕВ.

Заслуженный деятель науки М. КОНЧАЛОВСКИЙ.

Заслуженный деятель науки А. СПЕРАНСКИЙ.

Доктор медицинских наук Л. ЛЕВИН.

18 июня 1936 года, 21 час.

МОЗГ А. М. ГОРЬКОГО

Вечером 18 июня мозг скончавшегося величайшего писателя современности Алексея Максимовича Горького доставлен в Институт мозга в Москве.

Директор Института мозга С. А. Саркисов сообщил следующее:

— На днях мы приступим к микрофотографированию всех поверхностей. После этого с мозга Алексея Максимовича будет сделан слепок, который навсегда сохранит и точно воспроизведет форму и размеры мозга, рисунок его борозд и извилин. Затем мозг будет подвергнут детальным научным исследованиям.

А. М. Горький в гробу.

Фото И. ПАГИНА.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Великий пролетарский писатель Алексей Максимович Горький родился 16 марта (старого стиля) 1868 года в Нижнем-Новгороде в семье обиходника Пешкова. После смерти отца он остался четырехлетним ребенком и жил в доме дяди, Каширина, вышедшего из буржуазии в хозяина красильного заведения. Семилетним мальчиком А. М. был отдан в школу, но, проучившись несколько месяцев и заболев оспой, бросил ученье и больше не возобновлял его ни в какой школе. С 10 лет, когда А. М. потерял мать, на помощь ему стали помогать братья, находившиеся в магазине обуви, попадали в ученье к чертешнику, работали посудником на волжском пароходе у полара Скутского, приехавшего его к тещине. Смутная, прихотливая жизнь А. М. сопровождалась частой сменой мест и характера работы. Пятинадцатилетним подростком он поступает статистом в театр на Нижегородскую ярмарку, затем работает десятником по ремонту арматурных изделий и т. д.

Летом 1884 года А. М. уезжает из Нижнего-Новгорода в Казань учиться. Поступить в школу ему не удалось. Без средств к жизни, ночуя в трущобах, он пробует записаться в сельские учителя. Работая дворником, садовником, подручным пекаря в булочной, хористом в театре, он упорно борется за свое существование. В Казани, где тогда работали выдающиеся представители народничества и марксизма — Н. Ф. Анненский, Н. Федосеев и другие, — Горький близится к радикальным и революционным кружкам среди студентов и рабочих. Он знакомится с народничеством и марксизмом, в кружках читает Лаврова, Чернышевского, Серафима, А. Синга и «Капитала» Маркса, а в 1888 году уезжает с народолюбивым М. Романом в село Красноводово для революционной пропаганды среди крестьян.

Затем снова идет полоса скитаний, когда он работает то на рыболовных промыслах

лах Каспийского моря, то ночным сторожем, надсмотрщиком на лесозаготовках на железных дорогах. Летом 1889 года Алексей Максимович возвращается в Нижний-Новгород.

В октябре 1889 года А. М. был арестован по делу революционера Солова и месяц пробыл в тюрьме. Зимой он знакомится с писателем В. Г. Короленко и пользуется его литературными советами. В Нижнем-Новгороде Алексей Максимович поддерживает широкие знакомства с интеллигентских групп, но по прошествии двух лет — весной 1891 года уходит бродить по России. Проходя вдоль Волги до Царицына, по Украине, Крыму и Кавказу, он глубокой осенью приходит в Тифлис. Год, прожитый в Тифлисе, стал знаменательным в жизни писателя. Здесь он служил в железнодорожных мастерских, дружили с соседями с близким ему кругом рабочей молодежи, образовал с несколькими товарищами пропагандистский кружок, устраивал чтения и беседы.

В сентябре 1892 года в тифлисской газете «Кавказ» был напечатан первый рассказ Горького «Маяк Чудра» — замечательная романтическая легенда о людях, которые предпочли смерть рабству.

После Тифлиса, живя в Нижнем-Новгороде и Самаре, он пишет свои первые рассказы, которые появляются в газетах «Юльковский», а затем и на страницах столичных газет и журналов. В августе 1893 года в газете «Русские ведомости» был напечатан его рассказ «Бельгийцы», а в июне 1895 года в журнале «Русское богатство» появился «Челкаш». Литературная известность Горького стала быстро расти. Его произведения печатаются в «Новом слове», в «Русской мысли», в «Северном вестнике». В мае 1898 года вышло в свет первое двухтомное издание его «Очерков и рассказов», вызвавшее оживленную полемику. В это время в Нижнем-Новгороде А. М. арестовывают по делу членов тифлисского пропагандистского кружка, которые были привлечены к дознанию по обвинению в социал-демократической пропаганде. Его по этому доставляют в Тифлис, но вскоре освобождают.

Окруженный все более и более растущей популярностью, Горький в конце 1899 года впервые появляется в Петербурге. В марте 1901 года он участвует в демонстрации у Казанского собора в Петербурге, а в апреле в журнале «Питие» появляется его замечательная «Песня о буревестнике», которая провозгласила, как пламенный манифест возмущения революционной буржуазии. Популярность Горького среди революционной молодежи и рабочих была в это время настолько велика, что царское правительство стало искать способов его «обезвредить»: он был арестован по обвинению в печатании революционных воззваний к сорванным рабочим, а затем выслан в Арзамас под надзор полиции. Здесь, продолжая свою литературную работу, Горький пишет пьесы «Мещанине» и «На дне», которые в 1902 году ставятся на сцене Московского Художественного театра и имеют исключительный успех.

Царское правительство всечески преследовало Горького за его литературно-общественную деятельность. Когда в феврале 1902 года Горький был избран почетным академиком Академии наук, выборы были аннулированы по настоянию Николая II. Этот выпад царского правительства против общепризнанного писателя вызвал возмущение среди передовой интеллигенции. Короленко и Чехов в связи с этим демонстративно отказались от звания почетного академика.

Столица стала мало и тревожно. Уже на рассвете, под сенью колеблющихся ветром черно-красных знамен, собирались первые группы бессонных, осунувшихся людей. Они собирались неорганизованно, стихийно, движимые страстным желанием открыть друг другу свою печаль, — вместе будет легче преодолеть это огромное, тяжелое горе.

Первым в открытые двери Колонного зала поступал железнодорожник Кудрявцев. Это было в 6 часов утра. Он приехал в Москву из санатория, прерывая отпуск. Он пришел сюда со своим другом, народным учителем Корнатовским. За спиной их стала заплаканная студентка Института химического машиностроения Янкевич. Завтра она сдает дипломную работу, но сегодня не могла не прийти сюда. Вместе с ней к дверям подошла домохозяйка Шуккина, которую тревожное сообщение настало вчера в парке культуры и отдыха. Шуккина, услышав роковую весть, ушла из парка, порвала театальный билет. И вот она тоже здесь...

Зеленый купол Дома союзов увенчан траурным флагом. Он прикрывает к себе взоры миллионов людей, называвших своим певцом, учителем, другом великого человека, который сегодня недвижно лежит здесь.

И в этот ранний час, когда выстраивается длинная очередь опечаленных граждан столицы, с ними вместе бодрствуют в пути сотни людей, которые спешат проститься с гениальным художником слова. Еще на рассвете с Свердловского аэродрома поднялся самолет, на борту которого прибыл в Москву секретарь райкома партии Леопольд Авербах. Леопольд Авербах, секретарь райкома партии, в этот момент в самолете Алексея Горького. Скорый поезд из Горького везет делегацию старейших друзей писателя, его ровесников, соратников рабочих.

Вся страна, весь народ шлет своих посланцев с последним «прости» к великому художнику пролетариата.

И вот раскрываются двери Колонного зала. Мраморные ступени залиты мерцающим огнем светильников, окутанных черным крепом. Благоухают улавливающие цветы. Откуда-то сверху доносится траурная мелодия оркестра. Люди шагают медленно, опустив головы. Как трудно сегодня подниматься по этой лестнице!

Двери зала распахнуты настежь. Солнце сквозь верхние окна бросает косые лучи на сложенные багряные знамена. Под сенью высоких палм, среди красивейших цветов, какие нам познано жарким летом, лежит боги знакомый, родной человек. Его исхудалое, бледное лицо выглядит так молодо! Рассудок отказывается верить, что его уже нет в живых.

Но зловещий креп, которым окутаны знамена, напоминает о страшной правде. И эта музыка, трагическая, траурная музыка оркестра, разнесшегося на той самой трибуне, с которой неоднократно выступал этот человек. Четыре года назад с этой трибуны он звал комсомол к учебе, к овладению наукой...

Людской поток двумя непрерывными реками льется через зал. У гроба застыли, как изваяния, друзья, ровесники великого писателя. Зеленой стеной встают вокруг жесткие траурные венки из пальмовых листьев, венков очень много. Вот венки от ЦК ВКП(б) и СНК СССР и ЦИК СССР, от Народного комиссариата путей сообщения, от Л. М. Кагановича, К. Е. Ворошилова, Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой, Г. Г. Ягоды, от близких — «Дарьи, Марфы и Тимоши», от Союза писателей, МГК ВКП(б), Моссовета, исполкома и Моссовета, от театров и много, много других.

Выделяется огромный венок, на ленте которого золотые буквы:

— Великому русскому писателю, товарищу Алексею Максимовичу Горькому от Рабоче-крестьянской Красной армии.

Так горячо любившая Горького Красная армия шлет в зал все новые и новые отряды летчиков, танкистов, пограничников, которые несут почетный караул. Рядом с бойцами Красной армии в почетном карауле — осиротевшая армия бойцов художественного слова. Алексей Максимович не любил, когда его величали маршалом художественной литературы. Но где найти другое достойное слово? Да, осиротевшая советская литература...

тура сегодня хоронит своего любимого маршала. Один за другим сменяются у гроба опечаленные прозаики, поэты, драматурги, критики. Их всех Горький учил работать.

Учитель был суров, но справедлив и внимателен. Он требовал от каждого художника простоты, искренности, глубины чувства и мысли. Галина Серебрякова снова и снова перечитывает адресованные ей письма Алексея Максимовича. В апреле 1931 года, когда в нашей литературе еще очень сильны были влияния формализма, Горький настойчиво разъяснял ей:

«Я бы очень советовал писать проще, не очень часто прибегая к обычным приемам беллетристов, которые полагают, что искусно подобранные, красиво построенные слова — большое дело, и не чувствуют, что весьма часто этот прием — прямой ущерб пластичности, выпуклости изображения».

Писать просто не значит писать сухо. Наш читатель не как опытный, чтобы любоваться формой. Он, прежде всего, ищет педагогического содержания в книге. Не бойтесь деталей, они крайне положительны, хорошо схватываются читателем и усваиваются им...

Как много из собравшихся здесь опечаленных людей получали такие «педагогические» письма.

Но Горький принадлежит не только русской литературе. Он принадлежит всему человечеству. У гроба стоят в почетном карауле и Фадеев, и Федин, и Леонов, и Луи Арагон, и Эльза Триоле, и Андре Жид, и Иоганнес Бехер, и Вилли Бредель, и Эрик Байер. Все они одинаково глубоко переживают великую утрату.

Андре Жид дважды возвращается к гробу. Он мчался в СССР на самолете, чтобы увидеть своего великого друга. И вот — встреча. Какая неожиданная скорбная встреча!

— Того, кого я называл своим другом, уже нет.

И выразительные глаза Андре Жида, спрятавшиеся за стеклами больших очков, начинают слезами. Он старается сохранить самообладание и крепко ухватывается за лямки своего пиджака, застывает на месте. Он ищет утешения в лицах людей, проходящих через зал. Он видит древнюю статую, которая тяжело ступает по паркету, отяжелев на плечо внука. Он видит скромно одетую студентку, крепко прижимающую к груди заветную в газету учебник. Он видит командиров с боевыми орденами, с которых давно обдулся эфес. Он видит пожилых людей с широкими рабочими руками и статую молодого в майках, открывающего крытые загорелые плечи. Он видит крохотного пионера, который гордо тащит на своем плече тяжелое бархатное знамя. Он видит великий народ, который скорбит о своем великом писателе.

В 4 часа 28 минут в почетный караул становятся товарищи Сталин и вместе с товарищами Молотов, Орджоникидзе, Андреев, Микоян, Чубарь, Ежов и Хрущев. Тихо движется непрерывная процессия, льется скорбная человеческая река. Великий часовой стоит у гроба писателя.

Траурное шествие нескончаемо. Оно начинается на улице Горького, в районе театра имени Горького. Идут учащиеся школ имени Горького, работники Парка культуры его имени, жители города Горького. Прочными, неразрывными нитями был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно. Лишь через 3-4 часа они достигают зала, утопающего в красном и черном. Вот проходит старик-столарь Сергей Григорьевич Игнатьев. Он читал книжки Горького, когда был связан Алексей Максимович с разными кругами своей родины. Теперь они идут, чтобы в последний раз запечатлеть в памяти образ этого человека. Идут медленно